

Талисманчик

— Что я тебе скажу, Матюха, борец за правду: будешь делать реализм — будешь жрать хлеб без масла. Бывай.

Хызел запрокинул голову, вливая в бездонную глотку очередную порцию пива. Кадык пару раз судорожно дернулся.

Самое обидное, что Хызел был прав. За последнюю неделю у меня не забрали семь портретов из двадцати. Непростительный процент, если учесть плату местным рэкетирам.

А виной всему мой чертов натурализм. Вон, Хызел из лубой обрюзгшей коровы с бисерными глазками Мэрилин Монро делает. Портретного сходства остается самая малость, но берут же! К нему в хорошую погоду очередь выстраивается — смотри, какое брюхо на пиве отрастил! И ведь не «Балтику» пьет — всё больше «Гессера» да «Миллера». А на моих портретах, увы, старая корова коровой и выглядит.

Напротив Хызела на складном стульчике устроилась нарядно раздетая брюнетка с коровьим взглядом. Заметив меня, брюхан кивнул на клиентку и подмигнул: дескать, сейчас конфетку буду делать. Будешь, не сомневаюсь! И получишь свои законные 150 деревянных. А у меня за все утро два рисунка, которые я и уношу с собой.

Подъезд встретил сумраком, долгожданной прохладой и привычной вонью. Я пересчитывал пыльными кроссовками ступеньки, скучно вспоминая, осталось ли в холодильнике хоть что-нибудь. С тех пор как я позорно вылетел из художественного, вообразив себя уникальным талантом, этот агрегат, кажется, научился самостоятельно глотать мои продукты.

На узком подоконнике, уткнувшись лбом в обшарпанную раму, сидела Катька — моя соседка по этажу. Сидела, видать, уже давно и так тихо, что я заметил ее, только подойдя вплотную. Всё ясно — опять несчастная любовь. Вероятно, очередной кавалер предпочел нашей страшенькой умнице эффектную стерву. И что же мы такие дураки?

— Катюнь, ключи потеряла? — Я постарался придать голову жизнерадостность.

Она зашмыгала носом. Ну точно, ревела. Опухшие глаза, и так-то небольшие, сделали ее похожей на брошенного пекинеса.

— Не, — мотнула мышиною челкой.

— А чего домой не идешь?

— Так, пусто... — Блекло-серые глаза сердито уперлись в

меня, но затем подобрали. — А ты опять голодный и без денег. Ладно, пошли, пельменями накормлю.

Я согласился без малейшего укора совести. И почему, спрашивается, между нами так и не возникло даже подобия романа? Впрочем, здесь как раз все ясно: я тоже предпочитаю эффектных стерв. А Катерина не так глупа, чтобы напрашиваться.

Я наблюдал за ее худыми руками, деловито раскладывающими пельмени по закопченной шкворчащей сковородке (варенные пельмени Катерина не признавала принципиально). Прислонился затылком к шершавой стене и подумал: а чего я, собственно, выпендриваюсь со своим реализмом? Искусство искусством, но ведь и жить как-то надо, правда? Да и вообще, на уличных портретах не принято ставить подписи.

Под уютное шипение чайника я решил — надо попробовать. Хотя бы вот на Катюке.

— Слышь, Катерин, — сказал, и она настороженно обернулась (следы от слез на бледной щеке). — А давай я тебя нарисую?..

В маленькой комнатке было темновато, потому что перед окном нахально развесилась корявая яблоня. Не самая лучшая мастерская, ну да и я не Шилов, в конце-то концов. Катерина застыла мумией на неудобном стуле. Как будто я собираюсь ее не рисовать, а соблазнять, ей-богу.

Стервозинки ей не хватает, вот что. Яркости и самоуверенности. Ну так мы сейчас и поможем природе! Чуть глубже тон волос, чуть ярче губы, живинку в глаза. Чего мелочиться — пусть сверкают ярче, не жалко. Кожу не таким зеленоватым оттенком запертого в четырех стенах бумажного работника. Живости ей, живости!

Часа через три я окинул взглядом свое «произведение». А что, даже здорово! Полное сходство с оригиналом, и в то же время какая красавица у меня получилась! Пожалуй, на такую я оглянулся бы на улице. И не один я.

Катерина даже прижала ладонь ко рту, словно зажимая крик. Растерянная, даже испуганная.

— Лешка-а... Как красиво...

Я был горд. Могу ведь!

Успех следовало закрепить, и уже дома я устроился перед большим зеркалом. Автопортрет — вещь в нашем деле бесполезная, денег и славы за него не получить, но не Зинку-алкашку же рисовать... Итак, что вам не нравится в собственной физиономии, сэр? Пожалуй, я добавил бы в глаза чуточку цинизма. И эдакого самоуверенного лоска, как у знаменитостей на журнальных снимках. А кривой нос — подумаешь, это даже интересно в подобающем ракурсе.

Через пару дней, горя энтузиазмом, я сидел на обычном месте и пытался притянуть взглядом потенциальных клиентов. Хызел всюю ваял очередную Венеру из дамы, чья самоотверженность в похудании вызывала скорее жалость, чем уважение.

О, вот и первая птичка. М-да, серьезный вызов мастерству: если убрать полкило штукатурки, то останется совершенный пшик. Ну что ж, решил — приступай. Долой алко-

гольные мешки под глазами; силиконовые губы сделать естественными; прожженные химией волосы — натуральными локонами; простоватой мордашке подарить отсутствующую интеллигентность. Але-оп! Маэстро волшебных превращений Алекс Матюхин весь вечер на арене. Спешите видеть!

Что-то я слишком развеселился. Впрочем, дело того стоило: девицын «опекун» с толстой цепью на бычьей шее отвалил аж столык сверху. Значит, мои усилия не пропали даром. Даже Хызел показал большой палец из-за этюдника.

В этот день было еще три портрета. Чаевых, правда, не оставил больше никто, но все рисунки забрали с удовольствием. На радостях я купил запаянный в пленку шматок семги и пару банок «Гессера».

«Гессер» незаметно пролетел под клеющую семгу и душевное бормотание телевизора, после чего я страшно захотел есть, но обнаружил, что холодильник по-прежнему пуст. Однако верил: удача, хоть и со скрипом, поворачивает в мою сторону.

Следующие дни я развлекался тем, что сочинял, кого сделать из очередной непотребной хари, устраивающейся передо мной на складном стульчике. Это казалось неким магическим действием: вот из этого плешивого циника сделать воплощение надежности, а из той стервозной жабы — радужную хозяйку гостеприимного дома. Мир разворачивал передо мной калейдоскоп волшебных граней, на которых причудливо искажались лица моих художественных жертв...

Качок с цепью толщиной в руку, подошедший ко мне недели через три, походил на любого из их братии, как один тюбик краски на другой. А вот сопровождающая его крашенная блондинка показалась знакомой. Но только когда дама фамильярно подмигнула мне, заодно выдув гигантский жвачный пузырь, меня осенило: это же моя первая ретушированная жертва! Однако какая разительная перемена: похоже, девица, перенесла пару недешевых косметических процедур, иначе чем иначе объяснить, что сейчас она больше походит на идеализированное мной изображение, нежели на саму себя еще три недели назад.

— Ты уж постарайся, дорогой. — Холеные пальчики побарабанили по моему плечу. — Сделай из моего козлика человека.

Стокилограммовый «козлик» мрачно взирал на меня исподлобья. Заказ портрета явно был не его идеей. Но теперь меня уже не смущало недоверие клиентов — я лишь прикидывал, чью маску надеть на бугая...

На прощание девица послала мне воздушный поцелуй:

— Рекомендую тебя всем знакомым, талисманчик!

Про талисманчик я тогда не понял. Но клиент и впрямь пошел табуном.

Я медленно обводил взглядом усталую шеренгу серых лиц. Почему в метро не встречаются счастливые глаза и даже настоящему красивые лица выглядят блеклыми дешевками? Толща ли земли так давит на нас, или мертвенность галогеновых ламп создает оптический эффект, но все мы в метро —

замученные и бесцветные... Впрочем, сейчас передо мной уставился в черное стекло двери действительно выдающийся экземпляр, если судить по отражению той части лица, которая мне видна. Большой глаз в пушистых ресницах, мягкие очертания скулы, а небрежно стянутые в растрепанный хвостик волосы цвета березовой стружки я вижу уже не отражением, а наяву.

Познакомиться, что ли? Давненько я не проделывал ничего подобного.

Я нагнал ее уже на улице. Забежал вперед, развернулся и пошел навстречу красавице, чувствуя всю глупость своего поведения. И тут обмер.

— Катька?

— Привет, — тихо, без эмоций уронила она, а я ощутил цепенящий холод в груди.

Я смотрел в лицо своего портрета. Катька, да, знакомые черты, но изменившиеся будто по волшебству, пусть чуть-чуть, но это уже другая Катька. Я смотрел на свой оживший портрет — призрак, материализовавшийся посреди пыльного тротуара. Я даже ощутил запах краски. Это же я нарисовал ей искрящиеся глаза, добавив в них цвета и жизни. Это я внес нотку тепла в тон ее волос, это я чуть смягчил линию скулы... И ни намека на косметику, даже на помаду.

«Талисманчик!» — хрипло расхохотался демон в моем сознании, а лицо давешней блондинки всплыло и наложилось на Катькино — еще один мой портрет. Я, кажется, начинал что-то понимать, и это было чудовищней всего, что я мог вообразить. Мир приобретал черты абсурдного наваждения, издеваясь над моим ужасом...

Я осознал, что опираюсь на холодную раму разбитого таксофона, и, видимо, уже давно: рука затекла. Покалывало онемевшие губы. Катерина так же неподвижно и молча стояла напротив. Мне показалось, что в ее глазах было всё: и понимание, и обида, и сочувствие, и презрение. Катька, Катька, что я сделал с тобой? Я?

И тут совсем рядом — визг тормозов и звон бьющегося стекла. Но я даже не обернулся и просипел враз пересохшим горлом:

— Что я с тобой сделал?..

Не помню, как добрался домой и куда делась преображенная Катерина. Помню лишь, как в прихожей мучительно вглядывался в заляпанное зеркало: в одной руке автопортрет, а другая рука тянется к пыльному полу за бутылкой дешевой водки. А лицо? Все ищу и, к ужасу своему, нахожу мои и не мои черты в чуть циничном самодовольном взгляде.

Больше я не помню ничего.

Действительность обозначила себя тупой болью, долбящей по голове гигантским гулким молотком. И сквозь эту боль — шум текущей воды и какое-то шкворчание.

Зато вспоминать о происшедшем не понадобилось: я проснулся с ясным осознанием невероятной истины. Провал остался лишь по части количества выпитого. Хотя если судить по тому, что творилось в голове...

Медленно, закрыв один глаз и придерживая рукой голову, похожую на тяжелый неустойчивый аквариум, я сполз с кровати и, огибая углы, направился в ванную. На кухне хозяйничала Катька, по-деловому, в клеенчатом фартуке, какие продают бабульки у метро. Жутко-ядовитый цвет этого фартука немедленно вызвал спазмы в моем желудке — пришлось закрыть глаза и отвернуться.

Катька-хозяйка старательно делала вид, что не замечает моей скукоженной личности. Спасибо и за это. Мрачно размышляя, как ей удалось проникнуть в мою обитель, я шаркал-таки в ванную.

Но, разглядывая в зеркале помятую физиономию, вдургу удивился: и чего это я так разволновался вчера? Ну талисманчик, ну изменяются пороссячи морды клиентов, становясь похожими на портреты. Так это же клево — такие перспективы открываются!

Хотелось работать.

Катерина молча поставила передо мной большую чашку бульона с густым мясным запахом. Желудок дрогнул, попытался взбунтоваться, но после пары глотков, как ни странно, полегало.

— Я взяла пару сотен со стола. Сдача там же, — наконец нарушила молчание Катька.

Я спокойно разглядывал ее в безжалостном дневном свете. Изменения, поразившие вчера неожиданностью, сейчас оказались не столь разительными. Хотя волосы действительно изменили оттенок. Как и глаза, и губы: Катька теперь казалась проявившейся до конца фотографией.

— Ну и как тебе твоя новая внешность?

Вопрос прозвучал более снисходительно, чем мне хотелось бы. Эдакий модный визажист — скромной клиентке.

— Раньше ко мне не приставали в транспорте, — нейтрально произнесла Катька, и я не понял: осуждает ли она меня, который волей-неволей изменил отношение к ней окружающих, или просто смирилась с новой ролью, как прежде мирилась с собственной неприметностью. Уточнять не решился.

Она вымыла посуду — так, будто всю жизнь занималась этим у меня на кухне. И, уже уходя, заметила:

— Двери все же запирай иногда.

Ага, вот как она сюда попала! Кольнуло невольное чувство стыда, когда я представил, каким она меня нашла вчера. Но это чувство тут же заглушил вернувшийся энтузиазм. Талисманчик, значит? О'кей, будем работать.

Я работал, как проклятый, иногда оставаясь в мастерской и на ночь: между двумя мольбертами как раз втискивалась раскладушка. Заполнил бар элитной выпивкой, закупаемой в крохотном дорогом магазинчике, и наконец-то исполнил детскую мечту — объелся баночными ананасами. Стал вхож в богемную тусовку, посещал модные спектакли. Все это вызывало скуку, но, без сомнения, способствовало пополнению армии моих заказчиков.

Чудо перешло в разряд рутины. Меня окутывало умиротворение: все-таки я делаю мир красивее. Но подумать бы мне — хоть мимолетно, — что такая безоблачность может окончиться катастрофой, что все это только затишье перед бурей.

Этот прием был таким же обязательным мероприятием, как и другие из чреды предшествующих и, видимо, последующих. Лично я знал тут едва ли половину гостей, многие из которых были мной уже запечатлены, начиная с хозяйки вечера — дородной молодящейся бабенции с лошадиным лицом и визгливым голосом. Я помнил, как добавлял мягкости в это лицо, как сочинял несуществующее благородство.

Бокал шампанского, пара бутербродов из стандартного банкетного набора, пара анекдотов, которые я рассказал популярной тележурналистке, пара автографов невесты как затеявшимся на прием помятым девицам... Осталось только ждать случая засвидетельствовать свое почтение хозяйке и с достоинством удалиться. Наконец ее огненное платье, туго обтягивающее валики откормленного тела, мелькнуло в непосредственной близости. Я бросился на перехват. Приложился к ручке с тяжелыми перстнями и, уже произнося банальные уверения в почтении, понял: что-то не так. Что-то с ее лицом.

Я оценивающе вгляделся: глаза, скулы, очертания подбородка — вроде ничего не изменилось. Но... но — вот! Взгляд стал цинично-подсчитывающим, а старой склочнице это и

подходило более всего. Да, но такой я ее не рисовал! Презрительный изгиб губ также оказался новым приобретением... И я похолодел: возникло чувство, будто нарисованная мной картина вышла из повиновения и стала изменяться соответственно своим собственным представлениям.

Выходит, то, что я шутя называл «бытовым волшебством», действует недолго? Или не на всех? Или...

Я пробормотал извинения и бросился на второй этаж, поскольку хорошо помнил, что там, над красным кабинетным роялем, висел тот самый злополучный портрет хозяйки дома. Метнулся к цели и... усталился в пол, словно боялся увидеть, что мною же созданное лицо насмешливо подмигнет мне, как в фильме ужасов. Я даже не удивился бы, кажется, будь так, хотя испугался бы без сомнения.

Наконец я медленно поднял глаза. Скользнул взглядом по тяжелой золоченой раме в вычурных завитках, уперся в собственную подпись и затем, уже с мучительным усилием, разглядел само лицо. Сморгнул, разгоняя набежавший туман. И понял, что предчувствие не обмануло меня.

Это было не мое произведение. То есть не в полной мере мое — оно уже жило собственной жизнью. Своеобразно обаятельное лошадиное лицо, с которым я начинал работать и которое преобразовал по-своему, не вернулось. Теперь на меня смотрело лицо новое, в котором я узнавал и естественные черты, и созданные мной, но они словно подернулись дымкой, поверх которой торжествующе и нагло нарисовались расчетливость и надменное презрение.

Проявились! — понял я. Не нарисовались — проявились. На свет вылезла внутренняя сущность хозяйки, которую раньше скрывало лошадиное обаяние, а потом и гладкость нарисованных мною черт. Проявились, каким-то чудным образом изменив и саму ее, и мой портрет.

Похоже, кроме меня, этого еще никто не заметил.

Дома пахло нежилой пылью. Я пошатался по комнате, перебирая всякие мелочи, пока не понял, что инстинктивно пытаюсь занять руки и голову всякой ерундой, лишь бы не увидеть все еще валяющийся здесь автопортрет. Лишь бы не подойти к зеркалу. Лишь бы не обнаружить... Что?

Я все же поднял его — пыльный, брошенный в углу лист, где когда-то написал себя, успешного. И сличил новый оригинал с ожившим портретом. О да, они по-прежнему были схожи, но только это уже был не я давний и не я придуманный. Это был, наверное, такой я, каким я и был по своей сути: растерянный, трудоголик с лихорадочным блеском в глазах, с недоверчивым восхищением вершащимися чудесами, испуганный, торжествующий — всё сразу. Значит, мне не показалось.

Вот оно, отчаянье! Я же только хотел сделать мир красивее, искренне дарил людям новые лица! Но кто же знал, что одушевленные мною портреты заживут собственной жизнью, проявляя истинные лица своих моделей! Талисманчик оказался проклятием...

Пока, быть может, это видел только я. Но еще немного, и голого короля уже не скрыть. И я знал, чем это кончится — ужасным скандалом. Что дальше? Попытки подкупить, испугать, даже сломить физически: ведь они никогда не поверят, что, запустив страшный механизм, я не смогу остановить его.

Тренькнул звонок. Я замер, тупо уставившись на пустую бутылку из-под вермута. Когда я успел ее выпить?

Звонок повторился. Я знал, кто это, но не мог заставить себя подойти к двери. Я понял, что если увижу преображенное лицо Катки — какие бы пороки ни были написаны на нем, — то окончательно сойду с ума. И потому так и сидел, вздрагивая от каждого короткого треньканья.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Она была настойчива. В конце концов я доплелся до двери и в пыльном утреннем свете поднял глаза на свою первую модель.

На лице — всепонимающая серьезность. Чуть-чуть усталости, немного интереса и все-таки искреннее участие. Я вглядывался в ее глаза, ничуть не утратившие цвета, в лицо, растерявшее стервозность, но приобретшее несвойственное прежде спокойствие. Значит, понял я, мир, качнувшийся на грани безумия, устоял.

— Я тебе пельмени принесла, — сказала она...

Я плакал, как младенец, и ничуть не стыдился этого. Я говорил и говорил — вздохнул, перескакивая с одного на другое, пытаюсь неуклюжими словами выразить весь ужас перед свихнувшейся действительностью. Я сжимал Каткины ладони, цепляясь за реальность ее существования, как за последнюю соломинку в чудовищном мирокрушении. Кажется, мы сидели на кухне, она уговаривала меня что-то съесть, а я все не мог остановиться, не мог отпустить ее руку хотя бы на миг: мне казалось, что тогда я действительно сойду с ума и чудовищные портреты обступят меня со всех сторон.

Я так и уснул — вцепившись в ее ладонь. А когда проснулся, за окнами темнело, Катерина дремала в продавленном кресле, неловко подтянув под себя ноги, и ее лицо было безмятежным и красивым.

— Катя, — шепнул я. Она мгновенно открыла глаза. — Знаешь, — удивляясь самому себе, медленно произнес я, — а ведь я тебя люблю.

Она улыбнулась — словно лучики света заиграли по комнате. И ничего не сказала, и это было здорово, потому что никакие слова здесь уже не нужны.

Известие о моем отказе по-прежнему работать в жанре портрета вызвало, конечно, некий резонанс в модной тусовке. Даже пару раз промелькнуло в газетах. Некоторое время меня уговаривали, сулили приличные деньги, но я был непреклонен. Они не замечали, во что их превратили мои портреты: человек вообще склонен не замечать неприятного. Они не угрожали: угрожать модному художнику, пусть и удалившемуся от дел, не стильно. Через некоторое время обо мне просто забыли, чему я был только рад.

Однако фамилия Матюхин все еще на слуху, и это добавляет популярности вебдизайнерскому агентству, где моей обязанностью является собственно дизайн, а пара технарей верстает из этого готовые сайты. В моем институте через две недели сессия, и прямо под Новый год на свет собирается появиться Матюхин-младший. А это значит, что мир устоял.

Вот только первый Катеринин портрет я потихоньку выбросил.